

## **ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛОРУССКОМ ПОГРАНИЧЬЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА БЕЛОРУСОВ**

Вместе с природно-географическими условиями одним из существенных факторов формирования белорусского этноса и его менталитета явился процесс непрекращающегося межэтнического взаимодействия. Географическое расположение Беларуси на культурно-цивилизационных осях «Север – Юг» и «Запад – Восток» предопределило ее срединный геополитический статус – флуктуации (fluctuation – от лат. колебание) между культурно-цивилизационными Севером и Югом, Востоком и Западом. В Беларуси, расположенной в географическом центре Европы, встретились, переплелись и разграничились два основных типа культуры, два типа цивилизации: западная (европейская) и восточная (евразийская). «Стыковка» Запада и Востока редко носила мирный, дружелюбный характер, западные и восточные чужестранцы в Беларуси не всегда были зваными и желанными.

Расположение Беларуси в центре Европы обусловило то, что варяги, французы, шведы, немцы, татары – кто бы и куда бы ни двигался с европейского севера на юг или юга на север, с запада на восток или с востока – на запад, – все оставляли свои следы в материальной и духовной культуре, в генокоде белорусов. Воздействие собственно восточных и западных культур на белорусскую культуру было, как правило, военно-агрессивным, но сравнительно непродолжительным и малозффективным. Это обуславливалось одной из важнейших черт белорусского менталитета – сильным внутренним защитным иммунитетом против его насильственного «окультуривания». Основные ментальные характеристики белорусов сформировались в процессе их взаи-

моделятельности с этносами, с которыми они делили свою территорию, и с этносами-соседями. На северо-западных границах формирование белорусского этноса, его менталитета и культуры происходило в тесной взаимосвязи с балтскими этносами. Имеющие близкородственные индоевропейские этногенетические корни, белорусы, литовцы и латыши внешне были похожи друг на друга. Культурная и генетическая близость балтских и славянских этносов позволила немецкому этнографу А. Филиппсону определить, что «к славянам в более широком смысле слова принадлежат протестанты – латыши в Курляндии и Южной Лифляндии (1,4 млн) и католики-литовцы (1,2 млн) на нижнем Немане» [1, с. 642].

Длительное время находясь в составе одних и тех же государственных образований – Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а затем и Речи Посполитой, белорусский и литовский этносы формировались не только в похожих природно-географических, но и в сходных государственно-политических и экономико-хозяйственных условиях. Так же как и у белорусов, основным занятием литовцев была сельскохозяйственная деятельность. Так же как и белорусы, литовцы «кроме земледельства, скотоводства, огородничества, пчеловодства и т. п. вообще земледельческих занятий, являются чернорабочими при рубке леса, в речном сплаве, землекопами на железнодорожных постройках и, наконец, работниками на фабриках и заводах, составляя ремесленность, особенно развившуюся в городах и местечках области, мелкую торговлю в руках евреев» [2, с. 225]. Все важнейшие сельскохозяйственные работы непременно сопровождалась соответствующими обрядами. Особенным, сакральным смыслом и у белорусов, и у литовцев был наполнен конец сельскохозяйственного года. «Из всех сельских занятий жатва – самое уважаемое и любимое. На жатву все спешат охотно, а по ее окончании... крестьяне совершают дожинки, почти одинаково, как у литовцев, так и белорусов. ...После угощения, в котором, конечно, водка играет главную роль, является деревенская музыка, зажигаются костры, песни и пляски продолжают до глубокой ночи» [2, с. 25].

Мировоззрение литовцев, сформированное под влиянием схожей с белорусской девственной природы, в очень сильной степени было природно-языческим. В реальной духовной жизни у литовцев «прежние идолы, прежние праздники применялись к христианским, получали новое название, и этим довольствовались. Народ, напр., чтит вербу, в которую, по преданию, обратилась богиня плодородия, окружал ее и поклонялся ей. Духовенство повесило икону на вербе, и народ продолжал молиться перед нею. Духовенство радовалось, что молятся перед иконой; народ радовался, что не запрещают молиться перед вербой» [2, с. 33].

Другим балтским этносом, во взаимодействии с которым происходило становление белорусского этноса, были его северные соседи – латыши. Культура, быт и тип хозяйственной деятельности белорусских латышей в значительной степени совпадали с культурой, бытом и типом хозяйственной деятельности белорусов. Большинство витебских латышей были католиками и протестантами. В том числе и по этой причине взаимовлияние белорусского и латышского этносов было сдержанным, толерантным. И тем не менее оно имело место. «Чем ближе к белорусским поселениям, тем заметнее изменяется общий вид латышского поселка. Лифляндский латыш предпочитает селиться особняком; витебские же латыши живут, как и белорусы, небольшими селениями» [3, с. 209].

В мировоззрении латышей, так же как и их соседей – литовцев и белорусов, христианские начала удивительным образом переплетались с древнеязыческими. Весь уклад их жизни был подчинен установлению гармонии с природой. Основным занятием латышей и литовцев, так же как и белорусов, был сельскохозяйственный труд. Поэтому «обрядовый и годичный круг празднеств латышской народности сопровождается почитанием аграрных божеств. Очень древние верования сказываются и в тех обрядах, ко-

торые сопровождают важнейшие моменты в жизни латыша – рождение, брак и смерть. В родильных и крестильных обрядах большую роль играет «Лайма» – богиня судьбы, доля. Лайма считается покровительницей вообще женщин и в особенности родильниц. Она плетет судьбу человека и в особенности определяет брак женщин» [3, с. 211].

Существенное влияние на формирование белорусского этноса оказал близкий по культуре и языку польский этнос. Поляки раньше восточных славян получили достаточно устойчивые западноевропейские культурные «прививки». Западноевропейские архитектура и градостроительство, музыка, живопись, передовая агротехника в земледелии, рационализированные товарно-денежные взаимоотношения – все это польский этнос усвоил раньше восточнославянских этносов. Интенсивному процессу проникновения польской культуры и языка в культуру и язык белорусского этноса способствовали такие политические события, как заключение союза между Великим Княжеством Литовским, Русским и Жемойтским и Польским Королевством (Кревская уния 1385 г.) и последующее объединение этих государств в единое мощное федеративное государство Речь Посполитую (Люблинская уния 1569 г.).

После создания Речи Посполитой для освоения и закрепления новых территорий польское правительство систематически переселяло на земли Литвы и Беларуси своих подданных. Реальная картина взаимодействия поляков и белорусов на территории Беларуси была такова, что «поляки, землевладельцы и вообще дворяне, бывшие чиновники, учителя, артисты и другие лица, преимущественно из привилегированных сословий, живут по деревням и в городах... В городах, как губернских, так и уездных, а равно в местечках, мещанское христианское сословие принадлежит также к полякам, как усвоившие польский язык и большею частью признавшие себя поляками» [2, с. 284].

Особенно рельефной полонизации были подвергнуты города западной и центральной части Беларуси, большую часть населения которых составляли евреи, поляки и полонизированные белорусы. «Хотя в Минске большинство жителей из низших сословий православного исповедания, – общий народный характер города чисто польский... В западных губерниях мерилем национальности могут служить евреи. В Витебске, в Могилеве, где русский язык господствующий, – евреи по-польски почти совсем не говорят; в Минске же, так же как в Вильно, Гродно и Ковно, все евреи очень хорошо говорят по-польски» [2, с. 361].

Активными проводниками польской культуры в Беларуси было шляхетское сословие, в своем большинстве состоявшее из воспринявших польскую культуру белорусов. Как правило, они проживали обособленно, в шляхетских околицах и застенках. Основную массу белорусских шляхтичей в XIX столетии составляли так называемые панцирные бояре. Система панцирного боярства, по сути дела, была аналогом российского казачества. За службу в пехотных, так называемых панцирных, войсках им раздавались небольшие участки земли, преимущественно на восточных окраинах Речи Посполитой. Таким образом, на восточных окраинах Смоленской, Витебской и Могилевской губерний были образованы целые поселения, в которых «шляхта живет или отдельными семьями в деревнях, или хуторами, или же целыми селениями» [3, с. 202]. Культура, быт, манеры поведения шляхтичей отличались от культуры и быта коренного белорусского населения и представляли собой смешение белорусских и польских культур и языков. «Бышую шляхту легко отличить от крестьян. Прежде всего, она в сильной мере подверглась полонизации. В шляхетском селе где-нибудь под Новогрудком или Игуменом слышится польская речь с сильной примесью белорусской; напротив, заднепровская и подвинская шляхта говорит по-белорусски, но с сильной примесью польского языка» [3, с. 201].

В исторической ретроспективе можно по-разному оценивать последствия как русификации, так и вестернизации для духовной и материальной культуры современ-

ной Беларуси. Можно сколько угодно долго рассуждать о том, что было бы, если бы... Случилось то, что случилось: белорусы живут в совершенно конкретной социоисторической заданности: последствия влияния соседних культур, даже если они и не всегда были мирными, необратимы, они давно «вплелись» в структуру этнического, а затем национального самосознания белорусского народа, стали неотъемлемой частью белорусской культуры, белорусского менталитета. Находясь в постоянном взаимодействии с Востоком и Западом, белорусский этнос вырабатывал свои специфические восточно-западные, присущие только ему, ментальные характеристики. Поэтому все попытки отнести белорусский этнос только к Востоку или только к Западу обречены на трагическое разочарование. Беларусь не только сохранила свою целостность и самобытность, находясь под влиянием двух миров – Европы и Евразии, но и сами эти миры смогли пережить страшные времена средневековых межэтнических, межконфессиональных и межнациональных катаклизмов в том числе и благодаря неагрессивной активности, толерантности белорусов. Белорусский этнос выполнил свою важнейшую миссию мягкого размежевания и вместе с тем непрекращающихся интеграционных процессов между европейскими Востоком и Западом, Севером и Югом.

### **Список литературы**

1. Филиппсон, А. Европа. Сочинения проф. А. Филиппсона / А. Филиппсон; перевод со 2-го перераб. нем. изд. С приложением статьи «Россия в народно-хозяйственном отношении» / В.П. Воронцова. – Санкт-Петербург: Книгоиздат. товарищество «Просвещение», 1896. – 720 с.
2. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье. – Минск: БелЭн, 1993. – 550 с.: ил. (репринт. воспр. изд. 1882 г.).
3. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: в 19 т. Т. 9. Верхнее Поднъпровье и Бѣлоруссія / под общ. ред. П.П. Семенова. – Санкт-Петербург: Изд. А.Ф. Девриена, 1905. – 620 с.
4. Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы. Монография / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 319 с.: ил. 2 карты.